

ПОСЛЕДНИЙ ФИЛЬМ КОНРАДА ВОЛЬФА

чуть не удался побег. Проехал из Парижа на поезде путь в Берлин. Побывал в здании суда, где от смертного приговора Буша спасла бомба, изуродовавшая его лицо и едва не лишившая голоса. Был на старой пуговичной фабрике, где уже «не опасный» бывший певец работал после ранения, а на воле за него «работали» его песни, записанные на толстых шипящих патефонных пластинках.

Дороги Буша стали для Вольфа дорогами собственных его размышлений, а встреча с русскими солдатами — встречей с собственным прошлым. Все это вместе с рассказом Буша, с его песнями и хроникой составило фильм, который столь же «документален», сколь и «художествен», столько же о Буше, сколько и о себе — о путях и дорогах своего поколения, о двух странах, которые определили жизнь Конрада Вольфа.

Мы сидим за монтажным столом на Винс-штрассе — три серии фильма почти готовы, остается убрать огрехи — и говорим, как сделать картину доступной русскому зрителю. «И правильнее тебе самому дублировать фильм за кадром — ведь русский язык для тебя такой же родной, как немецкий».

Русский язык и русская культура. Ученик московской школы и ВГИКа, президент Академии искусств в Берлине — такая непростая и значительная судьба.

Фильм Конрада Вольфа об Эрнсте Буше, снятый в разных странах и вовсе не рассчитанный на то, чтобы быть «последним», волею судеб оказался его кинематографическим «завещанием». Его пристальным взглядом в прошлое и вынесенной из детства мечтой о том времени, когда «народы, распри позабыв, в единую семью соединятся».

Майя ТУРОВСКАЯ.

Саратов Ивану Васильевичу Шаронину и во Фрунзе Венямину Фирсовичу Яловому. Судя по всему, эти два человека были среди тех, кто встречал Буша на его пути в Берлин.

Сначала Конрад Вольф предполагал, что их рассказы будут сняты без его участия. Но когда дело дошло до бывших солдат, он прилетел в Москву.

Может быть, что-то в человеке предчувствует конец, о котором он сам еще ничего не знает. Никогда Конрад Вольф не любил Москву так нежно, как в этот последний приезд. Ему всегда хотелось обойти памятные места своего детства, но на это обычно не хватало времени.

В Берлине, прощаясь в последний раз, мы говорили с ним о старом замысле фильма «Тройка» — картине о трех школьных приятелях из одного класса, которых судьба разбросала по разным странам. Это была невыдуманная история Конрада и двух его соучеников.

Но в Москве он ходил по старым местам не для фильма, а для себя. И в Лихов переулок, на ЦСДФ, он пришел на съемку не для того, чтобы дать указания оператору. Он пришел, чтобы самому встретиться с солдатами, с которыми когда-то стоял рядом под Берлином. Пока готовили аппаратуру, эти трое сидели, пригнувшись у низенького столика, и вспоминали дни боев за Берлин. Яловой и Шаронин привезли старые военные фотографии, они раскладывали их, выясняли, где кто стоял в какие дни. Воспоминания быв-

ших фронтовиков, если они не пытаются их приукрасить, очень предметны и конкретны. Режиссеру фильма не составило большого труда соединить их с рассказом Буша. Но Конраду Вольфу этого было мало — он столько же расспрашивал их для фильма, сколько для себя. Ему уже мало было стоять по ту сторону камеры.

В Берлине, прощаясь в последний раз, мы говорили с ним о старом замысле фильма «Тройка» — картине о трех школьных приятелях из одного класса, которых судьба разбросала по разным странам. Это была невыдуманная история Конрада и двух его соучеников.

Дальше все было, как в жизни не бывает. В Останкино как раз начинались съемки очередного выпуска «Кинопанорамы». Ведущий Сергей Аполлинариевич Герасимов уже сидел в студии. Я рассказала режиссеру Ксении Борисовне Мариной, в чем дело. «Идите быстро в студию и попробуйте уговорить Сергея Аполлинариевича сделать небольшой сюжет о фильме Вольфа». Сергея Аполлинариевича уговаривать не пришлось. Я положила рядом с ним кассетник с записями, он рассказал о фильме и обратился к зрителям с просьбой написать, если кто-нибудь что-нибудь может вспомнить.

ПОТОМ я разобрала немалую почту, отправила Вольфу все, что не годилось прямо для фильма, и написала письма в

Саратов Ивану Васильевичу Шаронину и во Фрунзе Венямину Фирсовичу Яловому. Судя по всему, эти два человека были среди тех, кто встречал Буша на его пути в Берлин.

Сначала Конрад Вольф предполагал, что их рассказы будут сняты без его участия. Но когда дело дошло до бывших солдат, он прилетел в Москву.

Может быть, что-то в человеке предчувствует конец, о котором он сам еще ничего не знает. Никогда Конрад Вольф не любил Москву так нежно, как в этот последний приезд. Ему всегда хотелось обойти памятные места своего детства, но на это обычно не хватало времени.

В Берлине, прощаясь в последний раз, мы говорили с ним о старом замысле фильма «Тройка» — картине о трех школьных приятелях из одного класса, которых судьба разбросала по разным странам. Это была невыдуманная история Конрада и двух его соучеников.

Дальше все было, как в жизни не бывает. В Останкино как раз начинались съемки очередного выпуска «Кинопанорамы». Ведущий Сергей Аполлинариевич Герасимов уже сидел в студии. Я рассказала режиссеру Ксении Борисовне Мариной, в чем дело. «Идите быстро в студию и попробуйте уговорить Сергея Аполлинариевича сделать небольшой сюжет о фильме Вольфа». Сергея Аполлинариевича уговаривать не пришлось. Я положила рядом с ним кассетник с записями, он рассказал о фильме и обратился к зрителям с просьбой написать, если кто-нибудь что-нибудь может вспомнить.

ПОТОМ я разобрала немалую почту, отправила Вольфу все, что не годилось прямо для фильма, и написала письма в

Саратов Ивану Васильевичу Шаронину и во Фрунзе Венямину Фирсовичу Яловому. Судя по всему, эти два человека были среди тех, кто встречал Буша на его пути в Берлин.

Сначала Конрад Вольф предполагал, что их рассказы будут сняты без его участия. Но когда дело дошло до бывших солдат, он прилетел в Москву.

Может быть, что-то в человеке предчувствует конец, о котором он сам еще ничего не знает. Никогда Конрад Вольф не любил Москву так нежно, как в этот последний приезд. Ему всегда хотелось обойти памятные места своего детства, но на это обычно не хватало времени.

В Берлине, прощаясь в последний раз, мы говорили с ним о старом замысле фильма «Тройка» — картине о трех школьных приятелях из одного класса, которых судьба разбросала по разным странам. Это была невыдуманная история Конрада и двух его соучеников.

Дальше все было, как в жизни не бывает. В Останкино как раз начинались съемки очередного выпуска «Кинопанорамы». Ведущий Сергей Аполлинариевич Герасимов уже сидел в студии. Я рассказала режиссеру Ксении Борисовне Мариной, в чем дело. «Идите быстро в студию и попробуйте уговорить Сергея Аполлинариевича сделать небольшой сюжет о фильме Вольфа». Сергея Аполлинариевича уговаривать не пришлось. Я положила рядом с ним кассетник с записями, он рассказал о фильме и обратился к зрителям с просьбой написать, если кто-нибудь что-нибудь может вспомнить.

ПОТОМ я разобрала немалую почту, отправила Вольфу все, что не годилось прямо для фильма, и написала письма в

Саратов Ивану Васильевичу Шаронину и во Фрунзе Венямину Фирсовичу Яловому. Судя по всему, эти два человека были среди тех, кто встречал Буша на его пути в Берлин.

Сначала Конрад Вольф предполагал, что их рассказы будут сняты без его участия. Но когда дело дошло до бывших солдат, он прилетел в Москву.

Может быть, что-то в человеке предчувствует конец, о котором он сам еще ничего не знает. Никогда Конрад Вольф не любил Москву так нежно, как в этот последний приезд. Ему всегда хотелось обойти памятные места своего детства, но на это обычно не хватало времени.

ТИХАЯ захолустная берлинская Винс-штрассе. Район, сохранивший облик начала века: тесную застройку рабочих кварталов с благопристойными широкими парадными и крошечными дворами-колодцами — живую «натуру» старых немецких кинокартин. Здесь, на первом этаже старого дома — не на киностудии, а просто в квартире, — расположилась съемочная группа шестисерийного фильма «Поэт Эрнст Буш». В соседней квартире (вход прямо с улицы) — монтажная. Монтируются одновременно две, а то и три серии картины. Ее режиссер и руководитель Конрад Вольф пригласил молодых режиссеров, предоставив им свободу делать свои серии по-своему, а себе оставив только три из шести серий фильма: одну — в гитлеровской Германии, вторую и третью, заключительную, которая пока существует лишь в проекте.

Я только что прилетела из Москвы, мы сидим за монтажным столом и просматриваем пятую, военную серию, на которую Конрад Вольф наводит окончательный лоск. Позади недавние съемки в Москве, впереди непечотый край работы. Мы говорим о том, каким способом можно было бы дублировать на русский язык ленту, которую передать на другом языке очень трудно: ведь главная в ней — фонограмма, живой голос Эрнста Буша, его песни, где слова и музыка равноправны...

Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что эта работа на Винс-штрассе и есть последний фильм ведущего режиссера ГДР, замечательного человека и художника Конрада Вольфа. Последний...

Если бы человеку дана была возможность знать заранее, что он подошел к последнему сво-

ему делу на земле, выбрать это последнее! Большею частью человек этого не знает. Жизнь (или смерть) сама выбирает за него. Но случается так, что выбор этот оказывается как бы сознательным, почти символическим. А может быть, так кажется потом — «смерть осуществляется заключительный монтаж нашей жизни», заметил как-то итальянский режиссер и поэт Пьер Паоло Пазолини.

Документальный фильм, смонтированный Вольфом между двумя игровыми (предыдущая его лента «Соло Санни» прошла с большим международным успехом, следующая не была еще выбрана окончательно), стал заключительным нечаянно. Но личным — и в смысле прямом, автобиографическом, и в более широком, историческом — он был задуман и все больше становился на наших глазах. Он об Эрнсте Буше, чей голос, суховатый, будоражащий, поднимающий с места, как дробь барабана, незабываем для всех, кто его слышал. Но фильм оказался и о себе — о своем поколении и времени. Недаром под заголовком его стоит: «Хроника первой половины XX века».

Многое было странно-заключительно в этой картине. В последний свой приезд в Москву на съемки Конрад Вольф обошел все «свои» московские уголки и сфотографировался там, где прошло его детство, — наше общее с ним школьное детство учеников школы № 110 города Москвы.

Действительно, я помню Кони Вольфа с очень давних времен. Помню, как он пришел в

нашу школу у Никитских ворот, длинный, грубоватый, но надежно сбитый и не по росту застенчивый. Может быть, он стеснялся тогдашнего своего русского. Но в нашей школе учились ребята разных национальностей — в параллельном со мной классе был, например, Габор Рааб. Только теперь соображаю, что этот красивый, цыганский парень был, наверное, венгр. На маленьком монументе во дворе у Никитских ворот он стоит с винтовкой за плечом среди других «бэшиков» (их класс назывался «Б») которые погибли на фронте в первые годы войны. Интернационализм был производным от биографии, он был повседневным бытом нашего не простого детства.

Кони Вольф провел свои школьные годы в Москве, как многие дети политэмигрантов и «отечеством» ему сделался Арбат. Кто бы мог подумать тогда, что обитатель арбатских переулков и киношек стане крупнейшим кинорежиссером ГДР, президентом Академии искусств, членом ЦК СЕПГ!

В один из последних вчеров в гостеприимном доме Конрада Вольфа в Берлине мы наперебой вспоминали Москву — ее катки, мороженое, магазин «Восточные сладости», куда бежали на большой перемене, и прочую милую детскую ерунду.

Но тогда нас занимало другое: на Арбате, в Театре и Вахтангова, шел спектакль «Флоридсдорф», пьеса Фридриха Вольфа, отца «наших» братьев Вольф. Вот это было здорово!

Страстный антифашист, Фридрих Вольф уехал воевать в Испанию, а Конрад Вольф в Красной Армии и в составе ее частей вошел на свою родную землю (об этом он рассказал в фильме «Мне было девятнадцать»).

Когда я снова встретила Конрада, спустя войну и целую вечность, уже молодым немецким кинорежиссером, он не так уж переменялся, разве что со временем отпустил бороду. Может быть, тоже, чтобы прикрыть застенчивость.

Удивительно, что застенчивость не помешала ему сделать режиссером — профессия, требующая не просто уверенности в себе, но и способности передать ее другим, — а потом и государственным деятелем. Но зато, быть может, именно природная застенчивость и доброты сохранили его для всех нас тем, кем он был и остался до самого конца, — Кони Вольфом.

И в декабре прошлого года, когда мы прощались с ним по завершении трех серий фильма — ненадолго и уж никак не навсегда, — он казался мне почти неизволителем молодости.

Разруха, которую производит в человеке возраст, затронула его очень мало, хотя тяжесть обязанностей, которая много лет уже лежала на его плечах, была больше обычной суммы забот, возлагаемых на одного человека. Не по количеству постов, которые он занимал, а по привычной ему добросовестности.

Однажды мне уже пришлось быть свидетельницей того, как режиссер «оживляет» материал хроники, как к запечатлен-

ному чьей-то камерой он прибавляет свой личный человеческий опыт, свое чувство, свою мысль. Как монтаж от этого оживает, перестает быть «компляцией», обретает дыхание, а с ним то трудноуловимое свойство, которое мы называем «художественностью». Фильм, составленный из кусков старой пленки, становится целостным произведением, способным на долгую жизнь. Так на моих глазах «обживал» Михаил Ильич Ромм 60.000 метров отобранной нами пленки, из которой складывались три с половиной тысячи метров «Обыкновенного фашизма».

Конрад Вольф попросил меня помочь ему в той серии картины, где Эрнст Буш идет через расположение советских войск в Берлин. В частности, ему хотелось найти живых свидетелей этого — вовсе не безопасного по тем временам — путешествия. Тем более что сам он в составе 47-й армии был в этих же местах и если не встретился с Эрнстом Бушем лично, то где-то невидимо дороги их все же перекрестились. Оба непростым путем возвращались на родину — не только физически, но и, так сказать, духовно. Для обоих время было критическое — путь не только к Берлину, но и к себе.

Найти свидетелей — идея прекрасная, волнующая каждого, кто пережил это переломное время: конец огромной войны. Но где их найти? Как отыскать тридцать пять лет спустя тех уцелевших еще солдат 1945 года, которые не без труда соглашались признать в неизвестном немце (лишившем-

Саратов Ивану Васильевичу Шаронину и во Фрунзе Венямину Фирсовичу Яловому. Судя по всему, эти два человека были среди тех, кто встречал Буша на его пути в Берлин.

Сначала Конрад Вольф предполагал, что их рассказы будут сняты без его участия. Но когда дело дошло до бывших солдат, он прилетел в Москву.

Может быть, что-то в человеке предчувствует конец, о котором он сам еще ничего не знает. Никогда Конрад Вольф не любил Москву так нежно, как в этот последний приезд. Ему всегда хотелось обойти памятные места своего детства, но на это обычно не хватало времени.